

И. А. Сергиенко (Антипова)

«Кипплинговский след» в цикле романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере

Общим местом исследований, посвященных массовой литературе, стало указание на то, что одним из основных способов её создания является интенсивное, а подчас и виртуозное использование разнообразных приемов цитирования — от аллюзий и реминисценций до очевидного эпигонства и плагиата. Впрочем, в ситуации постмодернизма всю современную литературу, и шире — культуру — можно рассматривать как своего рода цитату или «центон», как это делают, например, постструктуралисты. При этом тот же Р. Барт предостерегает исследователей от чрезмерного увлечения выискиванием и интерпретацией подобных заимствований: «Всякие поиски „источников“ и „влияний“ соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек»¹.

В этой связи позиция исследователя, стремящегося обнаружить и доказать влияние автора-классика на автора современного бестселлера, представляется довольно уязвимой, тем более в случае с Джоан Роулинг, которую обвиняют в обильных заимствованиях у С. Кинга, Ч. Диккенса, Дж. Р. Толкина, К. С. Льюиса, Ф. Пулмана, Д. Даррела, О. Пройслера, Р. Даля, Л. Кэрролла, П. Трэверс, М. Митчелл, О. Уайльда, Ф. Кафки, Дж. Бинг, Р. Л. Стайна, и многих других², хотя, очевидно, что подобная эклектика и всеядность Роулинг, широко использовавшей наряду с литературными также и фольклорно-мифологические источники, делает цикл её романов о Гарри Поттере подлинно массовой литературой, которой и положено быть подражательной, узнаваемой и тривиальной. С этой точки зрения, повествование о «мальчике, который выжил», представляет собой весьма специфический предмет для литературоведческих штудий — с одной стороны, принципиальный эклектизм художественного мира Роулинг позволяет, при желании, найти там практически все, что угодно, в чем и таится своеобразное «искушение текстом»; с другой стороны, обнаружение всё новых и новых

---

¹Р. Барт От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 418.

² См., напр., статью М. Осокина «Стивен Кинг и Гарри Поттер: К клинической картине литературной клептомании Д. К. Роулинг» или заметки Ю. Мачкасова «Послесловие переводчика» // <http://www.a7sharp9.com/afterword.html>.

заимствований и цитат чаще всего не приводит к более глубокому пониманию этой современной саги, как называют поттериану многие критики, а лишь скользит по поверхности её художественной реальности.

На первый взгляд фигура Дж. Р. Киплинга кажется одной из наименее пострадавших от литературной «клептомании» Роулинг — очевидные отсылки к его текстам появляются лишь в русском переводе. Имя *Nagini*, данное Роулинг демонической змее Волан-де-Морта, которая играет чрезвычайно важную роль в заключительной книге цикла «Гарри Поттер и Дары Смерти», в переводе, выпущенном издательством «Росмэн»³, транслируется как *Нагайна*, хотя *Nagaina* у Киплинга, и *Nagini* у Роулинг лишь похожи, но не идентичны. Здесь интересен прием, использованный переводчиками, которые, превращая реминисценцию в буквальную цитату, самостоятельно вступают в игру с читателем, отсылая его к произведению, входящему в хрестоматийный круг советского / постсоветского детского чтения — сказке Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» («Книга Джунглей») в переводе К. Чуковского. Любопытно, что еще один переводчик вживляет киплинговские строки в текст Роулинг: Ю. Мачкасов, автор сетевого перевода книги «Гарри Поттер и Философский камень»⁴, передает реплику удава, сбежавшего при помощи Гарри из зоопарка: «Brazil, here I come.... Thanksss, amigo.» [Rowling] строчками из популярной советской бардовской песни на стихи Киплинга: «Увижу ли Бразилию до старости моей... С-с-спасибо, amigo!»⁵. Очевидно, что интенцией здесь выступает желание переводчиков (возможно, и неосознанное) усилить и проявить в русском варианте книг о Гарри Поттере текст английской детской литературы, который был бы узнаваем отечественными читателями.

Романы Дж. Роулинг действительно тесно связаны с традицией английской детской литературы и взаимодействуют с ней на различных уровнях: от откровенного эпигонства до наследования и творческого воплощения той почти неопределимой категории, что называется «духом» национальной литературы. Одним из тех, кто развивал и формировал традиции английской литературы для юношества, был Дж. Р. Киплинг, что позволяет допустить более глубокую связь романов Роулинг с его творческим наследием, чем просто заимствование или цитирование.

³ Дж. К. Роулинг Гарри Поттер и Дары Смерти. Пер. М. Лахути, С. Ильина, М. Сокольской. М.: «Росмэн», 2007. Эта версия перевода называется «росмэновской» или «официальной».

⁴ Гарри Поттер и философский камень. Пер. Ю. Мачкасова. 2001 // <http://www.a7sharp9.com/translation.html>.

⁵ Песня, известная под названием «Из Ливерпульской гавани...», создана в 1968 г. В. Берковским, исполнялась многими бардами, в т. ч. дуэтом Т. и С. Никитиных, и, в какой-то момент, стала считаться детской.

И Киплинг, и Роулинг писали для юношества, что неизбежно предполагает дидактическую составляющую их произведений. Прагматика детской литературы на всех этапах её развития направлена на то, чтобы предложить своему читателю тех или иных героев в качестве образцов / антиобразцов для подражания, представить одобряемые / неодобряемые модели поведения, декларировать четко очерченную систему ценностей и ориентиров и т. д. В смысловом пространстве этих специфических задач и связанной с ними поэтики основные линии совпадения или противостояния Роулинг и Киплинга пролегают в русле следующей топики: школьная повесть, роман воспитания, сюжет о сироте, героический эпос и героика, тема войны, тема сыновства и родительской любви, темы расы, крови, «бремени белого человека» и некоторые другие.

Две школы: Хогвартс и Вествард-Хо!

То, что романы о Гарри Поттере, относясь к жанру фэнтези, построены по модели традиционной школьной повести, представляется вполне очевидным: в шести книгах из семи события начинаются в начале учебного года и завершаются в конце, основные сюжетные линии связаны с пребыванием главных героев в школе, школьный мир показан глазами учеников, а школьный быт прописан в красочных деталях и т. д. Многие из этого восходит к классической матрице английской школьной повести, первыми образцами которой считаются романы Т. Хьюза («Школьные годы Тома Брауна», 1857) и У. Ф. Фаррера («Эрик или Мало-помалу», 1858). В рамках этой жанровой модели, развивая её художественный канон, и, в то же время, полемизируя с ним, написана и автобиографическая повесть Киплинга «Сталки и К^о» (1899). В этой связи вполне ожидаемо, что в книгах о Гарри Поттере и в повести о Сталки, в силу их жанровой принадлежности, обнаружится ряд совпадений — это сюжетные линии, связанные топикой школьной повести: проделки учеников, их наказание и поощрение, стереотипные образы «хорошего / злого учителя», внимание к изображению деталей школьной повседневности, в том числе спортивных соревнований, соперничество классов и факультетов, бытовые реалии (еда, одежда, досуг) и т. д. Однако в описании Хогвартса и его обитателей можно выявить и некоторые собственно «киплинговские» мотивы.

«Сталки и К^о» ознаменовала новый поворот в традиции английской школьной повести — от описания школы как светлого мира детства (несмотря на то, что там присутствуют и грубые шалости, и регулярная порка), где дети, с одной стороны, пребывают в возрасте невинности, а с другой, под влиянием взрослых и школьной системы изымают свою первобытную дикость «недочеловеков», превращаясь в необходимый культурный продукт, — к гораздо более реалистическому образу

школьной действительности. В «Сталки и К^о» школа, являющаяся художественным двойником колледжа в Вествард-Хо!⁶, где в свое время учился сам Киплинг, представляет замкнутый мир, полный насилия, построенный на жесткой иерархии старших и младших, где нравы грубы, где проделки жестоки, где торжествует не только сильнейший, но и хитрейший, где не может возникнуть сомнения в том, что добро должно быть с кулаками, и где над всем властвует разящая, но справедливая ректорская розга. В цикле Роулинг можно проследить как «хьюзовскую» традицию — в описании светлых сторон школьного быта, создающую особую ностальгически узнаваемую атмосферу школьной повседневности, которая так привлекает большинство читателей, так и «киплинговскую», придающую миру Хогвартса не менее завораживающее мрачное обаяние.

В «Сталки и К^о» Киплинг рисует школьный космос, широко используя эстетику безобразного, что было достаточно новаторским приемом, вызвавшим неудовольствие критики. Эта особенность связана не только с творческой манерой Киплинга в целом, но и с тем, что здесь одной из его основных художественных задач было создание убедительного изображения мира мальчишек, брутальностью и диковатостью которого писатель местами откровенно любит. На страницах, где действуют главные герои повести Сталки, Жук и Мактурк, многократно дерутся, воруют, врут, курят дешевый табак, пьют пиво, плюются, кидаются камнями, убивают разную мелкую живность, пытают и допрашивают друг друга, посещают маленький местный бордель-молочную. Здесь льются кровь, чернила и масло из под сардин, пахнет то изловленным барсучком, то лисьей норой, то протухшей едой, то взорвавшимся порохом, а один из центральных эпизодов книги и вовсе связан с дохлой кошкой.

Описывая в одном из эпизодов мирок школьной малышни, Киплинг неожиданно создает фрагмент, который мог бы быть вставлен в любую книгу о Хогвартсе практически без изменений, за исключением, может быть, имен главных героев⁷.

Третьеклассники поставили у дверей класса дежурного: у них был свободный час, а для мальчишек это целая жизнь. Они занимались обычными воскресными делами — готовили над газом воробьев на ржавых перьевых ручках, варили дьявольские напитки в горшочках, скребли бородавки перочинными ножами, разводили шелкопрядов в корзинах для бумаги, а также обсуждали проступки старших с такой свободой, откровенностью и вниманием к деталям, которым сильно бы удивились их родители. Удар был

⁶ Вествард-Хо! (Westward-Ho!) — пишется с восклицательным знаком.

⁷ Любопытно, что в книгах Роулинг практически не встречаются прозвища, как среди учеников, так и среди учителей, за исключением эпизодически упоминаемого преподавателя трансгрессии, именуемого «Недотыкомкой» и «Навозной башкой» (Dog-breath and Dung-head — оригинал, перевод — М. Лахути и С. Ильина (ГП и ПП))

нанесен без предупреждения. Сталки разогнал группу, сгрудившуюся над какой-то посудой, Мактурк рылся в шкафчиках, как собака в кроличьей норе, а Жук лил чернила на их головы, ведь под рукой не было Классического словаря Смита. Несколько минут хватило для того, чтобы избавиться от шелкопрядов, их куколок, упражнений по-французскому, школьных шапочек, полуподготовленных костей и черепов и дюжины банок с вареньем из ягод терновника. Урон был огромный, и класс выглядел как будто его занесли три воевавшие друг с другом бури⁸.

Эти низкие (а для современного отечественного читателя и отчасти загадочные) детали — «дьявольские напитки», бородавки, препарированные кости и черепа, зажаренные воробьи, а также не попавшие в перевод скальпированные кроты необходимы Кипплингу, кажется, в том числе и для того, чтобы комически подчеркнуть особую «недовочеловеченность» мира младших, их низшее положение на иерархической лестнице, гротескную близость к миру мелкой нечисти. Заметим, что взгляд на ребенка — особенно совсем маленького — как на существо, связанное с потусторонним, «нечистым» миром широко распространен в традиционной культуре, а в европейской педагогике эту линию продолжает трактовка ребенка как существа, в котором, прежде всего, выражено животное начало.

В романах Роулинг прием описания отвратительной / пугающей детали, использованный очень широко, хотя и весьма однообразно, служит для конструирования повседневности школы магов и колдунов. Эстетический код чародейства и магии традиционно связан с безобразным, страшным, странным, с тем, что или принадлежит к существам и предметам низового регистра, или противопоставлено человеческой природе. Страницы повествования о Гарри Поттере заполнены упоминаниями всякого рода пожелтевших клыков и зубов, засушенных рук, голов, кожи и хвостов, бросаемых в зелье волос и ногтей, глаз жуков, сушеных рыб и драконов, соплей тролля, червей, пауков, слизня-

⁸Киплинг Дж. Р. Сталки и К. Пер. Д. Хазина. СПб.-М.: Лимбус-Пресс, 2008. С. 73. В оригинале: «The Lower Third had set a guard upon their form-room for the space of a full hour, which to a boy is a lifetime. Now they were busy with their Saturday evening businesses—cooking sparrows over the gas with rusty nibs; brewing unholy drinks in gallipots; skinning moles with pocket-knives; attending to paper trays full of silkworms, or discussing the iniquities of their elders with a freedom, fluency, and point that would have amazed their parents. The blow fell without warning. Stalky upset a form crowded with small boys among their own cooking utensils, McTurk raided the untidy lockers as a terrier digs at a rabbit-hole, while Beetle poured ink upon such heads as he could not appeal to with a Smith's Classical Dictionary. Three brisk minutes accounted for many silkworms, pet larvae, French exercises, school caps, half-prepared bones and skulls, and a dozen pots of home-made sloe jam. It was a great wreckage, and the form-room looked as though three conflicting tempests had smitten it» Kipling J. R. *Stalky & Co.* // <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/StalkyandCo/index.html>.

ков, пиявок, дохлых мышей, облезлых крыс и знаменитых карамелек от «Флориш и Блоттс» со вкусом ушной серы и рвоты. На уроках трансфигурации и зельеварения начинающие колдуны проделывают комически-омерзительные опыты — готовят зелья, от которых их раздувает, сплющивает, парализует или обсыпает лишаями и волдырями, пытаются магически переместиться в пространстве, в процессе чего от них отрываются руки, ноги и другие части тела, неумело превращают предметы в животных, и, наоборот, в результате чего появляется чайник-жаба, мышь-часы и подобные им монстры и т. д. Эти микросюжеты и мотивы близки к текстам детского фольклора — страшилкам, садистским стихам, анекдотам, что позволяет Роулинг частично достичь того художественного эффекта узнаваемости подростковой и школьной среды, к которому целенаправленно стремился Киплинг, насыщающий свое повествование экспрессивно отвратительными деталями для создания образа маскулинной юности.

Основная сюжетная линия повести Киплинга построена как описание хитроумных и дерзких проделок компании Сталки, балансирующей на грани допустимого⁹. Все авантюры Сталки и его товарищей направлены либо на защиту собственного достоинства и подтверждения своего высокого статуса в школьной иерархии, либо на защиту тех, кто слабее, и восстановление справедливости. Эта авантюрно — трикстерская линия в романах Роулинг разделяется на две: Гарри со своими друзьями Роном и Гермионой совершают почти такие же изобретательные трюки (хотя пальма первенства за хитроумие остается у плута Сталки, у которого, к тому же, не было под рукой никакого магического арсенала). Герои из Хогвартса неизменно преследуют благородные цели — спасение друзей, борьбу с Вольдемортом и т. д. А сфера комических проказ и шутовства отводится рыжим близнецам Джорджу и Фреду Уизли, чьи утомительно неистощимые шутки и розыгрыши, напоминающие гэгги в стиле Монти-Пайтона, Роулинг методично описывает в каждой из семи книг.

⁹ Сталки и К натравливают разъяренного полковника Дэбни, владельца близлежащего поместья, на ненавистного преподавателя Кинга; подбрасывают оскорбившему их класу дохлую кошку под пол спальни таким образом, что это невозможно обнаружить, и дразнят врагов «воночками»; стреляют исподтишка из рогатки в буйного извозчика по кличке Яйцекролик, который в ответ громит камнями кабинет Кинга, как и рассчитал Сталки; имитируют «заговор ростовщиков» в младших классах, чтобы деморализовать преподавателя, переселившего компанию Сталки из отдельной комнаты в общие классы; обманом связывают двух старшеклассников, издававшихся над младшими, подвергают их пыткам и вынуждают дать обещание оставить малышей в покое; подстраивают скандальный публичный поцелуй деревенской девицы и старосты класса соперников, и пр.

С темой школьных шалостей и хулиганств неразрывно связана тема наказаний. И автобиографическая повесть Киплингa, и фантастическая сага Роулинг отражают как некоторые реалии историко-культурного контекста, так и взгляды самих авторов на этот определяющий аспект школьной жизни.

В повести Киплингa действие происходит в 1880-е гг., когда система телесных наказания в английских школах разного типа была узаконена и повсеместно распространена. Сталки и его товарищей порют розгами почти в каждой главе, но выясняется, что с их точки зрения — порка порке рознь. Заслуженное, по мнению мальчишек, наказание они принимают как должное. Более того, осуществление справедливой кары является своего рода священным ритуалом, в процессе которого реализуется особая, одновременно и сакральная, и интимная сыновне-отеческая связь между высшим существом школьного космоса — Ректором и вверенными ему учениками. Здесь получает воплощение важнейшая для Киплингa идея, составляющая основу его мироощущения и пафос художественного творчества — идея некоего высшего нравственного и метафизического Закона, «господствующей над человеком и нацией системы запретов и разрешений, правил игры, нарушение которой строго карается»¹⁰. Высшая доблесть, по Киплингy, подчинение Закону, (но только в том случае, если Закон подтверждает свою истинность и универсальность), а суть воспитания — в постижении правил Закона и признании личностью его господства над собой.¹¹

Ректор Бейтс вполне подтверждает свое право являться агентом этого Закона: он возглавляет школьную иерархию не только в силу занимаемой должности, но, прежде всего, в силу того морального авторитета, каким он пользуется в глазах мальчишек. Его действия справедливы как акты Провидения, он видит мальчишек насквозь: «Вы знаете меня пять лет... А я вас двадцать пять», — замечает ректор, обращаясь к наказанным ученикам¹². Услышав о запутанной истории с полковником Дэбни, (к тому же в косноязычном изложении школьного надзирателя-сержанта), «ректор тут же понял всё, всё до мельчайших деталей и его губа слегка дрогнула под усами» и т. д.¹³ «Клянусь, я буду за него сегодня молиться!» — отчасти с иронией,

¹⁰ Долинин А. Редьярд Киплинг: новеллист и поэт // Киплинг Р. Рассказы и стихотворения. Л.: «Худож. литература», 1989. С. 14.

¹¹ Эта педагогическая программа сформулирована Киплингom и в поэтическом эпиграфе к повести: «Так учили нас мужи / Долго, раз от разу: / Нерушим и тверд закон, / Чти предписанный закон, / Преступать не смей закон, / Выполняй приказы» (Киплинг Р. Сталки... С. 8).

¹² Киплинг Р. Сталки... С. 46.

¹³ Там же. С. 46.

отчасти с восхищением заявляет один из только что выпоротых героев повести, получивший в качестве компенсации за наказание, которое, по мнению ректора, было вынуждено, но не совсем справедливо, возможность читать книги из ректорского шкафа.

В Хогвартсе, как кажется на первый взгляд, нет ничего подобного. Порка и прочие телесные наказания не практикуются, за проступки учеников оставляют после уроков, заставляют выполнять неприятную или бессмысленную работу (например, чистить столовое серебро, перебирать червей, переписывать старые документы и пр.), и, самое чувствительное, — снимают баллы с факультета. Единственный раз, когда Гарри подвергается наказанию, наносящему ему телесный ущерб, — ему приходится писать фразу «Я не должен лгать» магической ручкой, вырезающей эти слова лезвием на его руке — на протяжении всего повествования вспоминается, как несомненная жестокость и несправедливость, вызывающая к мести, а Долорес Амбридж, назначившая экзекуцию в «Гарри Поттере и Ордене Феникса», является одним из самых отрицательных персонажей поттерианы.

Однако ученики Хогвартса оказываются в не менее суровых условиях, чем герои повести о Сталки: в стенах школы они многократно страдают от собственного неумелого или чужого злонамеренного колдовства, нередко остаются голодными, мерзнут, изнывают от тяжелой или опасной работы со всякого рода волшебными тварями, находятся под неусыпным контролем своих учителей и злобного завхоза Филча, назначающего наказание за малейшее нарушение правил. Юные колдуны подвержены разнообразным травмам и членовредительствам — их тела и лица деформируются, покрываются язвами и струпами, части тела отрываются, их парализуют и расчлениют заклятья, во время матчей в квиддич игроки получают жестокие увечья, у Гарри из руки исчезает кость, Рона рвет слизняками и т. д. Само здание Хогвартса — по умолчанию старинное, если не древнее — обрисовано как довольно опасное место. Живущие здесь ученики рискуют свалиться с движущихся лестниц, забыть пароль и не попасть на ночь в свою спальню, подвергаются атакам местного полтергейста Пивза и могут наткнуться на любую из зловещих тайн Хогвартса. Опасны также и окрестности Хогвартса, и дорога к нему, представляющая собой настоящее испытание.

Тем не менее, никто из учеников чародейской школы и их родителей по этому поводу не протестует и не ропщет. Герои Роулинг, как и Сталки с товарищами, принимают суровый уклад Хогвартса как данность, как пресловутые «правила игры». Стремясь к созданию убедительной картины школьной жизни будущих колдунов, Роулинг использует литературные клише, связанные с изображением нравов старой английской школы, в результате чего и «певец британского милитаризма» Киплинг,

и стоящая на позициях современного либерализма Роулинг, представляют систему воспитания, противоположную той, которую Киплинг называл «оранжерейной».¹⁴ Любопытно, что подобную систему Роулинг, похоже, считает приемлемой только для мира магов. По поводу обычной лондонской «школы для бедных», куда едва не отдали Гарри, она высказывается вполне полемически по отношению к взглядам Киплинга: «Это была отличная частная школа, где ученики макали друг друга головами в унитазы и имели выданные администрацией сучковатые палки для того, чтобы колотить друг друга. Считалось, что это дает полезные навыки для будущей жизни»¹⁵.

Куда в большей степени, чем совпадение отдельных деталей (например, школярскую латынь, которой пересыпают свою речь Сталки с друзьями, можно сравнить с заклинаниями, образованными, в основном, от латинских слов¹⁶, и т. д.) Хогвартс и школу из Вествард-Хо! объединяет тема дома, сиротства и отцовства.

Несмотря на то, что большинство героев и у Киплинга, и у Роулинг прибывают в школу из вполне благополучных семейств, мотив неприкаянности и бездомности является едва ли не одним из доминирующих. Главный герой романов Роулинг — сирота. А Киплинг, переживший, как известно, в возрасте шести лет глубокую травму при расставании с семьей, неоднократно переосмысляет её в своем творчестве, причем в различном ключе. В повести «Сталки и К^о» он рассматривает этот болезненный шаг как суровую, но благословенную необходимость. Слабые, изнеженные дети изымаются из «оранжерейной» обстановки родного дома для того, чтобы стать сыновьями Империи. На этом пути они должны пройти ряд испытаний, где боль разлуки с близкими, необходимость приспособиться к чужому, враждебному миру — одно из них. В поэтическом эпиграфе к повести эта ситуация представлена метафорой кораблекрушения:

Шквал на сушу вынес нас
Без еды, без платьев.
Голый берег среди скал.
Хижин дюжина меж скал.

¹⁴ «Жил однажды один мальчик, воспитанный по „оранжерейной системе“. И эта система убила его. Он не расставался со своими родственниками, начиная с момента рождения и кончая часом, когда отправился в Сэндхерст. <...> Он был превосходно обучен тому, за что домашний учитель ставит высшие баллы, и имел еще дополнительное достоинство, в том смысле, что „никогда не доставлял ни минуты огорчения своим родителям» (Киплинг Дж. Р. Свет погас. // Киплинг Р. Собр. соч. в 6-ти томах. — Т. 2. — М.: Терра, 1996. С. 24).

¹⁵ Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень. М.: Росмэн, 2007.

¹⁶ Accio, aguamenti, imperious, cruciatus и т. д.

Семилетье среди скал —
И двух сотен братьев¹⁷.

Оторванные от дома дети обретают новую семью, новый дом, создают свое собственное братство, узы которого, по Кипплингу, более священные, чем семейные. Семейные связи, впрочем, не раз упоминаются на страницах повести, но главным образом для того, чтобы подчеркнуть принадлежность героев к определенному клану, роду, социальной касте, и через это — к истории Британии, что чрезвычайно важно для Кипплинга.

Восемьдесят процентов учеников родились за границей — в военных лагерях, военных городках или в открытом море, <...> семьдесят пять процентов были сыновьями офицеров, находящихся на службе... Все эти Уиллоуби, Поллеты, Де Кастро, Мейны, Рэндаллы собирались идти по пути своих отцов¹⁸.

В саге Роулинг акценты расставлены несколько иначе. Хогвартс дорог Гарри не только тем, что там он впервые обрел подобие семьи — друзей-ровесников, старших, проявляющих заботу о нем, свой угол, личные вещи, особый уклад жизни, уют и пр., но и тем, что там учились когда-то его родители, тоска по которым не оставляет Гарри на всем протяжении его превращения из мальчика в юношу. Это обстоятельство накладывает свой оттенок и на отношение Гарри к ректору Хогвартса Альбусу Дамблдору. Помимо мудрого наставника-мага, Гарри, со всей очевидностью, мечтает обрести в Дамблдоре отца. Эта линия позволяет сравнить Гарри с героями Сталки, которые испытывают такое же отчаянное желание быть частью чего-то целого, принадлежать школьной семье, стать её сыновьями. Сюжет о «праведных и неправедных» наказаниях в «Сталки и К⁰» отражает не только твердую убежденность Кипплинга в том, что воспитание розгой может превратить мальчишек из движимых животными инстинктами дикарей в закаленных мужчин, «строителей империи», но и страстную потребность в подтверждении существования высшего смысла, высшей цели и суровой, но благодатной любви отца / Отца:

Здесь достойные мужи
Нас, избрав, учили,
Не скупясь на бич и плеть:
Ежедневно — бич и плеть
(Памятуй сейчас и впредь!) —
Ибо нас любили¹⁹.

¹⁷ Кипплинг Р. Сталки... С. 7.

¹⁸ Кипплинг Р. Сталки... С. 229.

¹⁹ Кипплинг Р. Сталки... С. 7.

На станицах первых книг Дамблдор вполне соответствует роли мудрого и могущественного главы Хогвартса, заботливого отца своих учеников («In loco parents»²⁰, — эту реплику на все лады — и не всегда иронически — твердят персонажи повести Кипплинга). Но в последней книге образ Дамблдора претерпевает существенную ревизию, выясняется, что в его отношении к Гарри обнаруживаются манипуляторские мотивы, а в прошлом — темные пятна. В то же время ректор Бейтс с честью подтверждает свой статус школьного божества — выясняется, что он, тайно рискуя собой, спасает от дифтерита одного из своих младших учеников — отсасывает у того из горла дифтеритные пленки. Сцена, когда ректора, не знающего о том, что его тайна раскрыта, приветствует вся школа, а он назначает зачинщикам овец порку «за нарушение приличий», становится одной из самых патетических и, одновременно, комических в повести.

Тайным героем оказывается один из главных персонажей саги Роулинг — ненавидимый Гарри и его товарищами профессор Северус Снейп. В первых книгах его образ вполне соответствует стереотипной для школьной повести фигуре злого учителя, обнаруживая сходство с главным «врагом» компании Сталки учителем Кингом. И Кинг, и Снейп неустанно следят за школьниками с целью поймать их за нарушением правил, оба отличаются склонностью к ехидно-оскорбительной риторике, оба болезненно самолюбивы (Кинг — непризнанный поэт), оба носят — вот странная деталь для Вествард-Хо! — развевающую черную мантию.

В последней книге Снейп все больше приобретает образ романтического героя, злодея поневоле, и, обнаружив после гибели свое истинное лицо рыцаря, принявшего на себя позорную и опасную роль во имя служения покойной возлюбленной, занимает почетное место в пантеоне Хогвартса и в воспоминаниях повзрослевшего Гарри.

Финал эпопеи о Гарри и его друзьях неожиданным образом переключается с эпиграфом к повести Кипплинга. «Альбус Северус, — говорит Гарри, обращаясь к своему сыну, впервые отправляющемуся в Хогвартс, — тебя назвали в честь двух директоров Хогвартса. один из них <...>, был, пожалуй, самым храбрым человеком, которого я знал»²¹. — «Так восхвалим же мужей / Славных без тщеславья, / Их заветный мудрый труд, / Беззаветный долгий труд, / Незаметный тайный труд, / Предстоящий явью!», — подхватывает Кипплинг²².

²⁰ In loco parents (лат.) — вместо родителей.

²¹ Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса. М.: Росмэн, 2007. С. 638.

²² Кипплинг Р. Сталки. . . С. 8.

Роман воспитания, сюжет о сироте

Сюжет о сироте, легший в основу поттерианы, связывает романы Роулинг и с другими произведениями Киплинга — сборником новелл «Книга Джунглей»²³, романами «Ким» и «Свет погас», автобиографической прозой (рассказ «Мэ-э, паршивая овца») и пр., где, на первый взгляд, одной из самых очевидных представляется параллель с историей Маугли. Это связано как с жанровой принадлежностью «Книги Джунглей» (1894—1895), которую исследователи определяют как синтез «сказки, притчи, мифа»²⁴, легший позднее в основу жанровой модели фэнтези, так и с особенностью российской читательской рецепции, в рамках которой самыми известными героями-сиротами английской литературы являются Оливер Твист, Маугли и Гарри Поттер. Фабулы романов о Гарри Поттере и новелл о Маугли зеркально отражают друг друга: оба героя лишаются родителей в годовалом возрасте и чудом выживают сами, оба попадают в чуждое окружение — Маугли в фантастический мир зверей, Гарри, маленький колдун, — в описанный гротескно-сатирическими красками мир людей — неколдунов (маглов)²⁵, для обоих возраст одиннадцати лет оказывается важным рубежом — Маугли уходит к людям, Гарри попадает в Хогвартс, и т. д. И та, и другая книга в полной мере реализуют топику «романа воспитания» (взросление и обучение героя, прощание с детством и пр.) где, наверное, самой забавной параллелью являются фигуры наставников — зверей у Киплинга, и разнообразных магов и волшебных существ у Роулинг (полувеликан Хагрид, привидение профессор Биннз и пр.). Говоря о «Маугли», можно отметить ещё одну обращающую на себя внимание деталь: Маугли и Гарри единственные персонажи английской литературы для юношества (во всяком случае, переведенной на русский язык), которые говорят на змеином языке. И, в целом, сюжет змееборчества у Роулинг напоминает не только о фольклорно-мифологических источниках, но и об «индийских» текстах Киплинга («Рикки-Тикки-Тави», «Ким», «Возвращение Имрея» и пр.).

С романом «Ким» (1901), менее известным российскому читателю, но популярным в англоязычной читающей среде, сага Роулинг перекликается, может быть, даже в большей степени. Главный герой романа Ким О'Хара, сирота-ирландец, родившийся и выросший в Индии, подобно Гарри — «свой среди чужих, чужой среди своих». Ким принадлежит

²³ «Книга джунглей» больше известна советскому и постсоветскому читателю как роман «Маугли» в сокращенном переводе Н. Дарузес (1955).

²⁴ Хлебникова А. И. Художественный мир «Книг Джунглей» и «Сказок просто так» Дж. Р. Киплинга. Л.: ЛГУ, 1985. С. 6.

²⁵ Любопытно, что человеческий детеныш становится для обитателей джунглей настолько «своим», насколько «чужим» остается Гарри для семьи своих родственников.

двум мирам — миру «белых сахибов» и земле Востока, где он живет. Ким тоже «избранный», как и Гарри, но своем роде — он пользуется всеобщей любовью, благодаря своему обаянию, ловкости и благородству. Сюжет книги объединяет воедино роман воспитания, плутовской роман и роман-путешествие: ловкач и хитрец Ким, до тонкостей постигший закрытую от европейцев местную жизнь, ввязывается в «большую игру» — запутанную шпионскую интригу между английской и русской разведками, что напоминает о конспирологической линии в поттериане, где Гарри, по существу, также является орудием взрослых игр. Шпионский сюжет вписан в повествование о великом путешествии по Индии, которое предпринимает Ким, решивший сопровождать тибетского ламу. Важную роль в романе играет мотив пророчества: оно сначала кажется ложным и выполняет роль комической детали, но сбывается в финале романа. Дружба Кима со старым ламой, которого мальчик решил опекать как человека не от мира сего и, связанный с этой сюжетной линией, мотив ученичества напоминает отношения Гарри и Дамблдора, а финал «Кима», где лама, свалившись в ручей, переживает состояние нирваны и, находясь в нем, спасает душу Кима, вполне сопоставим с мистической беседой, которую перед последней битвой ведет с Гарри умерший Дамблдор в странном местечке, похожем на вокзал, являющемся, по сути, универсальным для всех религий пространством инобытия: посмертия / рая / нирваны и пр.

Диккенсовские мотивы связывают автобиографическую прозу Киплинга и эпопею Роулинг. Слова, сказанные о маленьком Дике, герое ранней повести Киплинга «Свет погас» (1890): «Там, где он искал ласки и любви, он находил сперва отвращение, а затем ненависть, а когда он подрост и душа его запросила сочувствия, то встретила вместо него насмешки и обиды»²⁶, вполне могли бы быть цитатой из романа Роулинг, а в рассказе «Мэ-э, паршивая овца. . . » (1888) шестилетний мальчик по прозвищу Панч попадает на воспитание в семью своей дальней родственницы, относящейся к нему с той же жестокостью и педагогическим садизмом, как и чета Дурслей к Гарри, что в рамках реалистической и автобиографической прозы производит куда более жуткий эффект. Интересным кажется здесь тот факт, что создавая повесть для юношества («Сталки и К^о»), Киплинг легитимизирует и воспекает педагогическое насилие, в то время как в прозе, ориентированной на широкого, и главным образом, взрослого читателя, создает пронзительные образы незащитного и подвергающегося насилию ребенка, полностью находясь на его стороне.

²⁶Киплинг Дж. Р. Свет погас. . . С. 226

«И отпуска нет на войне. . . »

Концепт войны является одним из важнейших в творчестве Киплингa, что создало ему устойчивую репутацию писателя-милитариста. Многие из его произведений, даже если и не изображают военных действий, все равно пронизаны ощущением войны, как, например, первая часть повести «Сталки и К^о». Эта атмосфера идущих где-то далеко, но определяющих все аспекты мирной жизни сражений, так хорошо знакомая советскому читателю, является художественно-эмоциональным центром и лейтмотивом повести. В колледже учатся будущие офицеры, те, кого по окончании колледжа ждет военное училище Сэндхерст, а затем — бои на южных и восточных фронтах Империи. Те немногие выпускники, которые избирают себе гражданское поприще, окружены сдержанным презрением школьников, ибо их кумиры — старшие выходцы из Сэндхерста, уже воюющие, уже побывавшие в бою. Сцена встречи учеников с молодыми ветеранами, навестившими на побывке родную школу и «ректора-сахиба», рисует подлинно религиозное обожание, которым мальчишки окружают своих старших товарищей. Рассказ ветерана Крэнделла о том, как у него на руках умер его однокашник, назвав товарища перед смертью школьным прозвищем «Ириска»; рассказ, который, затаив дыхание, слушают *все* ученики колледжа, тайно пробравшись в спальню для гостей, — актуализирует оппозицию дом / война.

Эта же оппозиция играет одну из ключевых ролей в эпопее Роулинг. Хогвартс является домом для Гарри, а его обитатели, с которыми он впоследствии будет связан разнообразными родственными узами, — семьей. Финальным событием эпопеи и, своего рода, сюжетным апокалипсисом становится битва за Хогвартс.

Тема противостояния Хогвартса и темных сил возникает в первой книге и, нарастая по мере развития эпопеи, разворачивается в ситуацию войны. В первой книге сюжет о возрождении Зла в виде бестелесного Темного Лорда воплощен скорее в жанровой парадигме триллера, но в следующих частях уже отчетливо оформляется сюжет «вечного боя», усиливаются мотивы предощущения грядущей битвы, что вводит в поттериану эпическую составляющую. Гарри и его соучеников также готовят к войне, как и героев Киплинга: «глупцы, гордящиеся своей искренностью, не умеющие контролировать эмоции, вам не выстоять против Волан-де-Морта ни одного мгновения!» — восклицает один из их наставников²⁷. Пафос битвы, пафос священной войны, пафос героики, уходящий корнями в традицию героического эпоса, глубинным образом связывает военную прозу и поэзию Киплинга с романами Роулинг. В этом смысле Гарри глубоко киплингowski герой, несущий

²⁷ Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса. М.: Росмэн, 2007. С. 317.

свое бремя, подобно многочисленным известным и безымянным персонажам Киплинга. Гарри сетует на судьбу, рефлектирует, не находя в себе сил осуществить миссию, поддается искушениям, но раз за разом выбирает борьбу, сражение и самопожертвование, выполняя тот моральный кодекс, который Киплинг неустанно формулировал в своем творчестве. Знаменитая строка-рефрен из стихотворения Киплинга «Пыль»²⁸: «... и отпуска нет на войне!», восходящая к библейскому тексту, может служить лейтмотивом, определяющим экспрессивную напряженность романов о Гарри Поттере. Кончилась война — кончилась и эпопея.

«Мой мальчик Джек»

Еще одна важная смысловая линия, сопрягающая в культурном пространстве эпопею Роулинг с творчеством Киплинга, позволяет коснуться деликатной для исследователя темы — обстоятельств личной жизни писателя. Как известно, во время Первой мировой войны единственный сын Киплинга Джон, несмотря на то, что обладал слабым зрением, добился отправки на фронт, используя связи отца. В одном из первых сражений лейтенант Киплинг погиб в возрасте 18 лет. Многие из тех, кто пишет и рассуждает об этом сегодня, винят в этой смерти Киплинга-старшего, который когда началась война выступил с яростными призывами к молодежи отправиться на фронт, используя для этой цели свой поэтический талант и писательский авторитет.

Гибели сына Киплинг посвятил стихотворение «Мой сын Джек», которое, являясь мини-реквиемом, продолжает одну из важнейших тем киплингского творчества — тему достойного сыновства, наследования отцам, без чего вся «система Киплинга» оказывается лишенной смысла:

... В чем же, в чем утешение мне?
Не в этой волне,
Ни в одной волне,
В том, что он не принес позора родне
Ни с этим шквалом, ни с этой волной.
Так голову выше! Ревет прибой
С этой волной
И с каждой волной.
Он был сыном, рожденным тобой,
Он отдан шквалу и взят волной²⁹

О том, достоин ли он наследовать старшим, напряженно размышляет и Гарри. Он постоянно внутренне сверяет свои мысли, чувства и

²⁸ «Пыль» — перевод А. Оношкович-Яцныной стихотворения «Boots» (1914), существует другой вариант перевода — «Пехота в Африке» С. Маршака.

²⁹ Пер. Г. Усовой (<http://morskoysayt.narod.ru/Kip2.htm>).

действия с героическими образами своих погибших родителей, крестного Сириуса Блэка и Дамблдора, и здесь Роулинг реализует не только сентиментальную топику, но и такой мощный заряд героической дидактики, что её сагу вполне можно поместить в один ряд с произведениями советской героической литературы для юношества, на которую, в свою очередь, повлиял Киплинг.

Однако в этой смысловой точке осуществляется и поляризация взглядов Киплинга и Роулинг, обусловленных принадлежностью к разным культурно-историческим эпохам и мировоззренческим парадигмам. Киплинг настойчиво воплощал в своем творчестве идею о подчинении частного — общему, личного — гражданскому, индивидуального — коллективному и т. п. Мучительное сопротивление, которое приходилось преодолеть на этом пути и ему самому, и его героям, сообщает его текстам подлинный драматизм. Роулинг же демонстрирует либерально-гуманистическую систему взглядов, где подлинными ценностями считается сфера приватного: личный выбор, персональная ответственность, индивидуальные чувства, любовь, семья, дружба и т. д.

Романы Роулинг при внимательном прочтении оказываются книгами про почти экзальтированную, иступленную родительскую любовь³⁰. Гибнет мать Гарри, жертвуя собой ради сына (и это обстоятельство упоминается на страницах книги с катехизической настойчивостью, гораздо чаще, чем этого требует литературный вкус), родители Малфоя спасают заклятого врага — Гарри, чтобы купить этой ценой жизнь своему сыну, хлопотливая домохозяйка миссис Уизли бросается на опаснейшую противницу с воплем: «Руки прочь от моей дочери, сука!»³¹, обрекает себя ради душевно больной дочери на добровольное затворничество надменная колдунья Кендра Дамблдор, калечат обожанием своего сынка родственники Гарри, добропорядочный колдун Ксено Лавгуд идет на предательство и преступление, чтобы спасти свою Полумну, и т. д. Своих детей у Роулинг любят все герои — и плохие, и хорошие (что заставляет вспомнить особую приверженность Киплинга идее рода и клана). Единственные персонажи, ненавидящие, отвергающие и бросающие своих детей, принадлежат роду Мраксов, чей отпрыск Том Реддл стал Темным Лордом, выполняющим в мире поттерианы роль дьявола. Разумеется, о материнской любви писал и Киплинг (не на-

³⁰ Возможно, здесь сказывается влияние бурно развивающейся как на Западе, так и в России, гуманистически ориентированной прикладной психологии, аккумулирующей в себе различные школы психоанализа, которая придает главенствующее значение отношениям родителей и детей.

³¹ И это, как справедливо заметил Стивен Кинг, «самая знаменитая „сука“ в детской литературе» (Кинг С. Министерство магии Джоан Роулинг // Сайт «Полит.Ру». 2007. 19 окт. // <http://www.polit.ru/dossie/2007/10/19/king.html>).

поминает ли волчица Ракша-Демон, с которой не рискнул схватиться Шерхан, отчаянную миссис Уизли?³²), достаточно вспомнить его стихотворение «Матерь моя», но помещал он эту безусловную ценность в иную иерархическую систему.

В последней книге эпопеи «Гарри Поттер и Дары Смерти» есть эпизод, где друг Гарри, оборотень Люпин хочет оставить своего еще не родившегося на свет младенца для того, чтобы помочь Гарри в смертельно опасном походе против Вольдеморта, и Гарри, отчаявшись переубедить его, кричит: «Мой отец погиб, пытаясь защитить мою мать и меня! Вы считаете, он согласился бы на то, чтобы Вы бросили свое дитя и ушли с нами на поиски приключений?»³³. Собственно Гарри выражает здесь авторскую позицию, низведя благородный порыв Люпина до инфантильного «поиска приключений», и в этой точке взгляды Роулинг окончательно расходятся со взглядами «железного Редьярда» как расходятся и эпохи, вызвавшие к жизни их творчество.

Однако для современной массовой культуры очевидно более важной оказалась некая героико-дидактическая константа, объединяющая двух таких непохожих авторов — в фильме «Мой мальчик Джек» (2007), посвященному сыну Киплинга, его роль играет британский актер Даниэль Рэдклифф, звездный исполнитель роли Гарри Поттера. И в этом контексте строчки хрестоматийной «Заповеди» Киплинга, звучащие в конце фильма, парадоксальным образом кажутся обращенными к Гарри Поттеру, маскирующемуся за викторианскими усиками и переодевшемуся в офицерскую шинель:

Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только Воля говорит: «Иди!»
<... >
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

³² «А отвечаю я, Ракша Демон: человечий детеныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьет. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! <... > А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила <... >, ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, паленое чудище джунглей! Вон отсюда! Отец Волк смотрел на нее в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвоёвывал Мать Волчицу в открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище Демон. Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал что перевес на ее стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть» (Киплинг Дж. Р. Маугли. Пер. Н. Дарузес. М.: Дет.лит, 1982. С. 11).

³³ Дж. К. Роулинг Гарри Поттер и Дары Смерти... С. 189